БЫЛА ВОЙНА

В АРМИЮ меня взяли 9 июня 1943 года, а 4 июля мне исполнилось 18 лет. До середины октября был в Канске, в 129-м запасном стрелковом полку, в пулеметном батальоне, в 3-й пулеметной роте, а потом нас погрузили в эшелоны и 9 ноября мы прибыли в действующую 4-ю танковую армию под г. Карачев. Я попал в 6-й гвардейский механизированный корпус, которым командовал генерал-майор Акимов, в 16-ю гвардейскую механизированную бригаду (комбриг— гвардии полковник Рывж). Воевал в составе пулеметной роты 3-го мотострелкового батальона (комбриг— гвардии капитан Доронин, потом гвардии капитан Рыжов), в 3-м отделении 3-го взвода.

В феврале 1944 года нас из-под Карачева повезли поездом до Киева. Город прошли пешком, остановились в г. Ирпень, но ненадолго— 23 февраля нас подняли по тревоге, снова погрузили в эшелоны и довезли до небольшой станции, откуда пешком шли до передовой. Там вырыли окопы, залегли. 2 марта 1944 года начался первый бой. Я был первым подносчиком—подавал патроны к пулемету «Максим», сам стрелял из карабина, который был у меня. После артподготовки и перестрелки команда «вперед», задача— занять населенный пункт. Нам навстречу вышли мирные жители, в основном, женщины и дети. Немцы село оставили. Мы вышли за село, снова вырыли окопы и залегли— пока подтянут артиллерию. Утром немцы начали артподготовку, с их стороны били пушки и шестиствольные минометы, у нас ударили «катюши». Потом сно лись в запасном полку). Свою часть я догнал на Сандемировском плацдарме 16—18 октября 1944 года. Мне присвоили звание гвардии сержанта, я стал командиром пулеметного расчета. 10 января 1945 года после доформирования часть снова вышла на передовую, выкопали большую яму, покрыли ее лесом и землей. 12 января укрытие спасло при артподготовке и штурме самолетами. Часа через три на танках с боем поехали вперед. На следующий день подошли к польскому городу Кельце. Нам надо бы взять укрепленный дом. Мы— с пулеметом, подкрепленные пехотой, подползли к нему. Сняли часовых, ворвались в

С 15 марта началась Верхнесилезская операция. Перед ней нас вывезли в населенный пункт и запретили выходить из домов. Ходили только на ночные занятия, где отрабатывали тактику ночных боев за населенный пункт.

И вот 15 марта 1945 года. Сначала операцию начали днем, но значительные потери живой силы и техники заставили сменить тактику: день по населенным пунктам била артиллерия, «катюши», их бомбили самолеты, а ночью в бой вступили мы. До утра выбьем фашистов— и опять остановка, бои за следующий укрепленный поселок начинают артиллеристы, летчики, потом мы, нас поддержива

нельзя было вылезти из окопов — весь берег простреливался. Рыли глубокие ямы, чтобы напиться...

Сколько пришлось за войну перерыть —страшно вспомнить: ведь окоп для пулемета должен быть таким, чтобы он свободно вращался в нем. И натаскаться тоже: сам пулемет 64 кг, к нему 4 коробки патронов по 9 килограммов, оружие у всего расчета, кроме наводчика, вещмешок, лопата... И откуда только силы брались?

...Шпре далась нам нелегко. После нескольких часов обороны на крутом берегу прозвучала команда готовиться к переправе. Я уже был тогда командиром расчета. Только поднялись— убило наводчика. Я схватил пулемет и в воду. А на той стороне— закрученная колючая проволока, «спираль Бруно». Много тогда наших там погибло, пробираясь в мокрой одежде через эту спираль. Я выбрался, но только потом понял, что держу в руках тело пулемета, а станка нет...

С боями дошли до Бранденбурга. У города было болото, мы залегли, вперед прошли танки, а потом и мы. Самое яркое впечатление от этого города — как освободили наших женщин. Было их человек 300, жили они в каком-то доме вроде общежития, работали на заводе. Как они радовались —мы от них просто отбиться не могли.

А САМОЕ страшное впечатление — от лагерей военнопленных. Много мы их повидали на территории Польши, Чехословакии, в Германии. Пленные большей частью уже не могли идти, лежали скелетами живыми, но кто мог шевелиться— ползли нам навстречу, на четвереньках. Зато американцы

ва мы пошли в наступление, взяли следующую деревню. У нас ранили командира расчета Сураева, в других взводах и ротах были раненые, убитые. День за днем мы шли и шли с боями. Окапывались (причем окоп пулеметного расчета — во весь рост), стреляли, держали оборону, отбивались, наступали, несли потери...

Потом нас посадили на танки и повезли к г. Чорткову. Спешились, начался бой за город. Два дня наступали и отступали, до тех пор, пока не взяли город. Эта операция продолжалась до 29 апреля 1944 года. За это время взяли города Каменец-Подольский, Тернополь, много других населенных пунктов, названия которых уже и не помню. У г. Сороки перешли Днестр и вступили в затяжные бои, которые в военных хрониках называют «бои местного значения» — как будто в них не погибал никто... Мы остались вдвоем (пулеметный расчет — 5 человек) с Александром Чискидовым, а 29 апреля 1944 года нас обоих ранило, его в ногу, меня в грудь, справа. В это время с 1 мая по 10 июля нашу часть, сильно поредевшую, вывели на отдых и формирование, так что лечился я в своей части. Мне присвоили звание гвардии младшего сержанта, я стал наводчиком пулемета.

11 июля 1944 года нас ввели в прорыв (следом за пехотой на танках) на Львовском направлении, меня снова ранило 22 июля — в левое плечо. Пока бои шли на окраине города, нас, раненых, поместили в какой-то подвал, и только когда город полностью освободили, перевели в госпиталь. После выздоровления я попал в запасной полк, но там пробыл недолго: вышел однажды на шоссе и встретил машину с нашими опознавательными знаками, упросил шофера взять с собой — до штаба корпуса. Добирались ночью, а утром я уже был в своей роте. Комроты — гвардии лейтенант Цветков — помог восстановить документы (они остадом. Оказалось, в нем были калмыки, перешедшие на сторону немцев. Помню, как поразил тогда уголок — список взвода, все на русском языке; на журнале — крупными буквами: «СССР — Смерть Сталина спасет Россию»... Противно слышать сейчас, когда политиканы обвиняют коммунистов в «притеснении калмыков» — я сам брал их в плен, они воевали против наших солдат за фашистов.

С БОЯМИ освобождали польские города и села. Через г. Петркув 20—22 января вышли к реке Одер, в ночь на 22 января стали ее форсировать. По реке прошел ледокол, его работу завершили бомбежки и обстрел с обеих сторон. Мне довелось переправляться на 3 или 4 понтоне. Выгружали, не доходя до берега, прямо в воду, так и шли в ней, под огнем, к берегу. Сушиться было негде и некогда — бой. Дней десять держали оборону на Одерском плацдарме. Может, больше. Расширяли его, т. е. вели бой с противником.

Помню такой случай: начштаба бригады и наш начальник штаба майор Щербак проскочили свои части и обосновали штаб в окружении, нам приказали их выручить. И вот нас по 20—30 человек посадили на 15 или 20 танков — нужно было проскочить 2 деревни, в третьей, на окраине обосновался штаб бригады. Стреляли из всего, что только стреляло, бросали гранаты. Штаб выручили — и сразу дальше в бой. Много наших погибло, немцев еще больше. Помню, врач наш (грузин, забыл его фамилию) говорил, что только раненых у нас было 60 человек.

После расширения Одерского плацдарма мы приняли участие в Нижнесилезской операции. Прошли несколько городов, форсировали реки Бубр и Нейсе. Бои не стихали ни на час, из одного — в другой.

ют танки, самоходки. Так двигались до 31 марта до г. Ратибора (небольшого города). Там мы зашли в дом, где был комбриг, Герой Советского Союза Спехов. Вдруг с улицы послышался крик: «Немцы наступают!». Я выскочил на площадь — стоит пулемет, у него никого. Сверху на улице к нам под гору спускаются немцы под прикрытием самоходок. Я дал несколько очередей — они залегли, открыли огонь из самоходок. В бой вступили еще наши расчеты. Но один снаряд из самоходки угодил рядом. Пулемет покалечило, меня ранило в левый висок, осколком, сильно пошла кровь. Меня перевязали и отправили в госпиталь, там я был с 31 марта по 11 апреля, пока спала опухоль. Осколок не вытаскивали. С 11 по 15 апреля я добирался до своей части, а 16 апреля уже принял участие в Берлинской операции. Мы пошли южнее Берлина в прорыв, чтобы штурмовать с юго-запада. Взяли несколько городов (запомнились два названия — Москау и Ленин), потом — Бранденбург, оттуда перебросили на Берлин.

ВОЙНА вспоминается часто, особенно сейчас, яркими картинками-эпизодами. Помню, 18—21 апреля перед взятием Берлина, я был с пулеметом в одном бою. Только вышли из боя — прибегают, говорят: «Скорее, садитесь на танки». Даже отдохнуть не дали. Дело уже было к вечеру, часов в 10 въехали в лес. Совсем стемнело. И тут немцы с фауст-патронами. Сожгли один танк, кто остался живым, заняли круговую оборону. Отбивались до утра, а утром немцы ушли, оставив убитых и их велосипеды. Наша задача была — захватить мост. Не успели: только подъехали — мост немцы взорвали. Потом подошли наши части, мы заняли позиции на крутом берегу реки, у рва. Очень хотелось пить, но никак

чу на четвереньках. Зато американцы (освобождали мы и их лагерь) играли в волейбол.

Встречи во время войны были разными. В г. Москау на одном из домов увидели листок, написано по-русски: «Здравствуй, Москва». Зашли, сидят два немца, предложили выпить шнапс. Попробовали сами, потом и мы. А вот в одном из городов в доме увидели повесившуюся молодую женщину — видно, запугали русскими. Но лично я ни разу не видел ни расстрелов мирных жителей, ни чего-нибудь другого подобного. Однажды на танках догнали колонну беженцев. Наш командир остановил их, они встали — и все! — взрослые, старики, детишки — руки кверху подняли. Он попросил выйти мужчин. Те вышли, видно, думали, что расстреляют, а он заставил их поправить бочки тяжелые на танках и отпустил.

А вот власовцев — видел, как расстреливали. 6 мая нашу армию перебросили в Чехославакию, на г. Прагу. Шли с перестрелками, но усиленным маршем. Помню, взяли немцев в плен, но Щербак велел отпустить их: «Пехота разберется». 7 мая танк, на котором я ехал, подбили, он загорелся. Мы успели выскочить. Залегли, начали отстреливаться, но недолго — подошли наши. Нам дали другой танк, и снова вперед. Утром 9 мая у Праги снова был бой. Кстати, никто не сказал нам о конце войны. Прошли Прагу, вышли на окраину. Здесь нас обстреляли, но потом выяснилось, что это ведет наступление прорвавшаяся танковая армия Второго Украинского фронта. Утром нас снова посадили на танк и повезли к югу от Праги. Несколько раз встречались с немцами. Кто отстреливался, кто сдавался в плен. Так шли до вечера 11 мая. Вечером расположились в какой-то деревне, я был дежурным по роте. Сначала комроты велел поставить 4—5 пулеметов, потом приказал оставить один на перекрестке. Солдаты легли спать, кто где мог. Немного погодя пришел ординарец командира и велел всех поднять, но не по тревоге. Я построил роту, и тогда комроты объявил, что война закончилась, а нам он дал на завтра выходной день...

С. КУЗНЕЦОВ.

п. Раздолинск.